

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ГОВОРЫ ДИГОРСКОГО ВАРИАНТА ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

И. Н. Цаллагова

Изучение современных говоров дигорского варианта осетинского языка является одной из важных задач осетинской диалектологии. При рассмотрении этой проблемы особую значимость имеют говоры вторичного образования (говоры территорий позднего заселения). Несмотря на явную необходимость изучения современного состояния дигорских говоров вторичного образования, особенности сложившейся языковой ситуации и последствия языковых контактов, остаются практически неисследованными. Значимость исследований такого рода обуславливается так же тем, что некоторые переселенческие говоры стремительно нивелируются, в связи с чем, необходимой и неотложной задачей является сбор полевого диалектного материала.

Актуальность и значимость исследования вторичных говоров обусловлена так же тем, что именно на материале говоров территорий позднего заселения особенно четко проявляется соотношение экстра- и интралингвистических факторов, обуславливающих специфику развития языков и диалектов в их прошлом и настоящем. Если учесть, что многие процессы взаимодействия говоров разного типа, которые на исконной территории происходили в далеком прошлом, а на территории позднего заселения наблюдаются и в наше время, то становится понятной возможность специально-го изучения говоров территорий позднего заселения [1, 3-4]. К тому же исследование процессов взаимодействия различных ди-

алектных систем, которые развиваются в говорах вторичного образования, может помочь как в восстановлении фактов далекого прошлого, так и в выявлении специфик формирования отдельных диалектных черт. В современной ситуации отсутствия сплошных диалектных массивов, которые поддерживают стабильность диалектных черт, а также в условиях интенсивного контактирования между носителями разных говоров, а иногда и языков, на территории позднего заселения создаются возможности усиленного процесса разрушения старых диалектных систем [1, 4].

При классификации говоров территорий позднего заселения, необходимо учитывать как их системно-структурные особенности, так и экстралингвистические факторы, наиболее существенными из которых являются следующие: 1) время переселения носителей говора; 2) характер переселения; 3) характер отношений с окружающим населением.

По времени переселения носителей говора, по продолжительности функционирования его в новых условиях выделяются три группы: 1) ранние переселенческие говоры (время переселения — XVI-XVII вв.); 2) переселенческие говоры (начало формирования — XVIII-XIX вв.); поздние переселенческие говоры (начало формирования — конец XIX — начало XX в.).

При классификации переселенческих говоров по характеру переселения следует различать: а) одновременность-разновре-

менность переселения; б) массовость — единичность его.

По характеру сложившихся отношений переселенцев с окружающим населением можно выделить две крайние точки: полная (или почти полная) изолированность или, наоборот, тесная связь. Отношения с окружающим населением могли быть равноправными, так и неравноправными [2, 24-25].

Другим комплексом классифицирующих признаков, по мнению Л.И. Баранниковой, является собственно лингвистическим.

1. Характер диалектной основы проявляется в степени однородности ее в говоре переселенцев. С этой позиции выделяются три типа говоров:

а) говоры с монодиалектной основой, носители которых являются переселенцами из одного или группы пунктов с однотипными или близкими, родственными говорами.

б) говоры с бидиалектной или полидиалектной основой, носители которых переселились из разных районов, и были носителями разных типов говоров. В такой ситуации бывает, что в одном пункте сохраняются еще два разных говора, но чаще всего обнаруживается уже единый говор, в котором можно наблюдать проявления различных исходных основ, степень которых может быть различной. Следует отметить так же то, что бидиалектность основы не всегда возможно четко определить.

2. Следующим признаком является характер соотношения основ взаимодействующих говоров. Он выражается, главным образом, в однородности-неоднородности диалектной основы говора переселенцев и окружающих говоров. По характеру отношений с окружающими языковыми или диалектными единицами выделяются три типа отношений, в которых оказываются переселенческие говоры: а) диалектная однотипность говоров, б) диалектная разнотипность говоров, в) наличие иноязычного окружения. Однако следует отметить, что эти отношения редко представлены в чистом виде. Дело в том, что однородность говоров, чаще представлена только в случае ранних переселенческих говоров при мас-

совом переселении. Наиболее характерным для переселенческих говоров является диалектная разнотипность, к тому же осложненная иноязычным окружением.

3. Важнейшим и наиболее трудно выявляемым признаком является характер отношения с материнскими говорами. Далеко не всегда возможно установить диалектную систему материнских говоров. Даже в тех случаях, когда основа переселенческого говора является монодиалектной, не всегда удается его восстановить, так как современное состояние материнских говоров может отличаться от их состояния в момент переселения. Говоры территорий позднего заселения всегда отличаются от материнской основы, так как они оказываются в других условиях, которые не могут не оказывать влияния на их развитие. В связи с этим выделяются переселенческие первичные говоры, сохранившие свой исходный диалектный тип, и вторичные говоры, в которых произошли значительные изменения.

4. Характер развивающегося вторичного говора. Часто вторичный говор имеет характер переходного или смешанного говора. В отечественной диалектологии под переходными говорами понимают такие, диалектная основа которых проступает отчетливо и при этом наблюдается закономерное изменение в сторону другого говора или литературного языка. Смешанными являются говоры, со сложно определяемой исходной основой, в которой наблюдается не закономерный переход одних единиц в другие, а смешение отдельных целостных разносистемных вариантов [2, 25-28].

В данной работе среди переселенческих говоров территорий позднего заселения дигорского варианта осетинского языка нами рассматриваются: говор моздокских осетин-дигорцев, говор населения с. Озрек (КБР), говор осетин-дигорцев, проживающих в Турции, говор жителей с. Лезгор (Светловодское) (КБР).

В теории диалектологии говоры определенного языка, которые в силу тех или иных причин, оказались на территориях функционирования говоров других языков, т.е. в иноязычном (инодиалектном) окружении, принято называть островными или анклав-

ными говорами [3, 155]. Исходя из этого, рассматриваемые переселенческие говоры осетин-дигорцев по всем признакам правомерно называть островными или анклавыми говорами.

В рамках данной статьи мы рассмотрим экстралингвистические факторы образования анклавных говоров дигорского варианта осетинского языка.

Говор осетин-дигорцев Моздокского района РСО-Алания (ст. Чернорское, Ново-Осетинское)

Носителями говора являются переселенцы из Дигорского ущелья, которые компактно проживают в иноэтничном окружении более двух веков в отрыве от основной массы дигорцев. Возникновение первых осетинских поселений в Моздокских степях и в самом городе Моздок относится к 60-м годам XVIII в. С начала основания Моздока и до начала XIX в. сюда переселялись осетины-иронцы, известные в этнографической литературе как «цайта». Осетины-дигорцы начали селиться здесь позже. В 1802 г. в 25 км от Моздока образовалось с. Чернорское, называвшееся в осетинской среде Ерашти (или Дзæрæште), по названию одного из притоков Терека, на котором оно и располагалось. Недалеко от этого села выходцами из Дигорского ущелья в 1810 г. было основано еще одно поселение — Ново-Осетинское (Мосхъæу, Мæсугигъæу). В 1824 г. оба села получили статус станиц, а их население причислено к казачьему сословию.

Характеристика жизни переселенцев довольно точно передает поговорка, которая и сегодня бытует у моздокских осетин: *Еу къохи — тохæндзаумау, иннæ къохи — косæндзаумау*/В одной руке — оружие, в другой — орудие труда. С первых дней поселения на Кавказской линии они несли военную службу и занимались хлебопашеством, скотоводством, извозом, работой по найму. Моздокские осетины смогли создать большие и сложные хозяйства, и, так как им не хватало рабочих рук, в особенности в зажиточных семьях, они нанимали на летние работы ногайцев, которые целыми кибитками прибывали в рабочее время во все осетинские населенные пункты и оставались тут

часто по несколько лет, поступая к осетинам в батраки. В основной своей массе осетины овладели ногайским языком. К тому же ногайский язык стал интернациональным не только для осетин, но и для черкесов, армян и грузин. Данное обстоятельство обусловило появление в речи моздокских осетин ногаизмов [4, 276].

В дореволюционный период контактирование осетин Моздокского района с жителями Северной Осетии было осложнено по объективным причинам. По сути, они оказались в отрыве от основной массы осетинского населения, в окружении других этносов (кабардинцы, русские (казаки), ногайцы, кумыки). Это привело, во-первых, к тому, что на момент фиксации осетины-дигорцы сохранили многие черты, которые в материнском говоре уже переходят в архаичный пласт лексики, а во-вторых — к появлению заимствованной лексики, главным образом, из ногайского и русского языков.

Следует отметить, что в 1944 г. Моздокский район был передан из состава Ставропольского края в состав Северной Осетии. На сегодняшний день станицы Чернорская и Ново-Осетинская, наряду с поселком Чернорское и с. Елбаево, входят в Ново-Осетинское поселение Моздокского района. В данном поселении вместе с осетинами живут русские, кабардинцы, чеченцы, турки и др.

Наше исследование показало, что своеобразие говора, возникшего ввиду особых условий жизни моздокских дигорцев, отмечается только в определенной степени: говор Моздокских дигорцев, с одной стороны, сохранил лексические архаизмы, а с другой — обогатил лексику при помощи заимствований. Основные фонетические диалектные черты показывают, что данный говор входит в состав чокающего типа дигорской речи [5; 6].

Говор населения с. Озрек (Кабардино-Балкарская Республика)

По историческим данным, начало переселения предков озрекцев из Дигорского ущелья относится к середине XIX в. Основная группа переселенцев, выселившись из селения Донифарс, направилась на северо-запад и остановилась в Таторсе, распо-

ложенном в верхней части Хазнидонского ущелья. Через некоторое время они переселились на новое место жительства, которое называли Тургътае (от диг. *turğtæ* — дворы). Затем они переселились на правый крутой берег р. Хазнидон в Хазнидонском ущелье, образовав там поселение, названное Гъæууат (от диг. *ğæw* + *wat*, букв. «место для поселения»). Местность, где сейчас расположено балкарское селение Ташлытала, было следующим местом временного поселения. Переселенцы здесь также не задержались, а спустились ниже на 15-20 км, и остановились на левом берегу р. Лескен, обосновав поселение Найæнтае. Спустившихся по Хазнидонскому ущелью насчитывалось около 30-35 семей, среди которых были представители таких фамилий, как Темиркановы, Галачиевы, Габачиевы, Хацаевы, Дреевы, Галеевы, Шехинаевы, Цамакаевы. В 1855 г. к ним присоединилось еще 24 семьи: Кабалоевы, Царикаевы, Кокоевы, Кумеховы, Кебековы. Переселенцы были выходцами из сел Кета и Кумбулта, также спустившиеся с гор по ущелью, расположенному восточнее Хазнидонского ущелья. Продолжая все вместе движение дальше на север в поисках свободных равнинных земель, они выбрали место на левом берегу р. Лескен, между ныне существующими селениями Ерокко и Анзорей, сама местность была названа Кекуз. Следующим местом поселения было выбрано место между Лескеном II и Аргуданом, получившее из за растущих на горе густых зарослей лесной алычи название Ахшинчъита (диг. *Æxšinčitæ* — алыча) [7, 12-15]. В конце XIX в. этими переселенцами было образовано небольшое село Кабаново (Хъабанти гъæу), расположившееся на южной окраине села Анзорей. Затем, во время процесса реализации программы землеустройства КБР в 1925-1926 гг., жителям данного села был предоставлен участок земли в междуречье рек Урух и Лескен. Поселение получило название Озрек, население которого на тот момент составляло около тысячи человек. На сегодняшний день в с. Озрек насчитывается 363 двора с населением 1554 человека, которые представляют 57 различных фамилий. Подавляющее большинство населения — осетины-дигорцы. Также в се-

лении проживают кабардинцы, балкарцы, русские, для которых родным языком давно уже стал дигорский. В конфессиональном плане основное население с. Озрек является мусульманским.

Такое смешение людей разной этнической принадлежности, выходцев из разных местностей не могло не найти своего отражения в языковых процессах. Говор озреков характеризуется некоторыми фонетическими, лексическими, морфологическими и синтаксическими особенностями [6]. Однако в процессе междialeктного общения, а также общения между носителями диалектов и литературного языка, неуклонно стираются диалектные черты. Надо также отметить, что степень изолированности данного говора от материнской основы невысокая, так как, несмотря на то, что с. Озрек находится на территории КБР, в окружении кабардинских сел, территориально оно довольно близко находится к дигорским селам Ирафского района Северной Осетии, с населением которых озрековцы интенсивно контактируют. В нивелировании диалектных черт говора немаловажную роль играет и преподавание в озрековской школе осетинского языка в его литературной форме.

Говор жителей с. Лезгор (Светловодское) Кабардино-Балкарской Республики

Предки жителей с. Лезгор КБР являются выходцами из одноименного села в Донифарском обществе Дигорского ущелья. Коренными жителями с. Лезгор Донифарского общества по историко-этнографическим данным были представители таких фамилий, как Аршиевы, Бетановы, Бериевы, Бузаровы, Бетрозовы, Газановы, Дреевы, Дашиевы, Елеевы, Левановы, Тайсаевы, Ваниевы, Хидиловы, Хаевы, Караевы, Кабалоевы, Цамакаевы, Цорионовы, Чибиевы.

Ряд лезгорских семей сначала переселились в с. Лескен Ирафского района Северной Осетии, а затем в Зольский район Кабардино-Балкарии. Там им были предоставлены земли вблизи селения Светловодское. В память о своей родине они называли свое поселение Лезгор (Лесгор).

Первыми переселенцами в КБР приблизительно в 1928-1929 гг. стали представители фамилий Ваниевых и Левановых. Причи-

ной переселения, по данным информантов, стало их раскулачивание. На новом месте им было выделено 160 га земли, был создан колхоз им. Сталина. Село стало разрастаться за счет новых переселенцев из Осетии: Караевых, Макоевых, Кардановых, Абисаловых, Таказовых.

В середине XX века с. Лезгор было присоединено к с. Светловодское и перестало существовать как отдельная административная единица. Основным населением с. Светловодское в период основания в 1924 г. были русские. На сегодняшний же день его население преимущественно кабардинское. Ко времени слияния этих двух сел осетинское население было довольно многочисленным (около 40 дворов). Однако, по причине оттока экономически активной его части в последующие годы, сейчас число осетин-дигорцев существенно сократилось. Оставшееся в с. Светловодское осетинское население компактно проживает в местах изначального поселения. Часть села, в котором проживают осетины-дигорцы, по-прежнему известна под названием Лезгор. На сегодняшний день там проживают: Левановы (Леунтае) — 3 двора; Ванеевы (Уанетае) — 2 двора; Кардановы (Хъардантае) — 1 двор; Макоевы (Махъотае) — 2 двора; Хаевы (Хутае) — 1 двор.

Известно, что чем меньше количество говорящих на островном говоре, тем слабее проявляются языковые особенности. В небольшом изолированном коллективе и индивидуальные речевые особенности могут иметь большое значение для сохранения особенностей говора в целом. Однако при компактном проживании в сельской местности функция языка домашнего общения дольше сохраняется говором, по крайней мере, у старшего и среднего поколения. Это касается и жителей с. Лезгор, которые, несмотря на довольно длительную изоляцию от материнской основы и небольшую численность, сохранили свой говор почти в неизменном виде.

Язык осетин-дигорцев, проживающих в Турции.

Переселение осетин в Турцию происходило в период с конца 50-х до середины 60-х гг. XIX в. Ориентировочно в пересеч

лении участвовало более 5 тыс. человек. В силу различных факторов поиск мест окончательного поселения осетин на территории Турции оказался растянутым на долгие годы. Первоначально осетинские мухаджеры в основном были поселены в Восточной Анатолии, в районе Сарыкамыш. Здесь ими были созданы несколько самостоятельных сел. В единичных случаях осетины образовывали отдельные кварталы в турецких селениях. В некоторых из этих сел обосновались осетины-дигорцы. Так, в Хамамлы-Дюзю проживало около 400 семейств дигорцев. В непосредственном соседстве с осетинами обосновались поселения других кавказских народов — аварцев, лакцев, кабардинцев, чеченцев, насчитывавших несколько тысяч. Данная картина расселения сохранялась в неизменном виде около 15 лет. После захвата этого региона русскими войсками в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг. основная масса осетин мигрировала вглубь турецкой территории. Часть оставшихся в Карсском регионе осетин вернулась в Осетию. Однако после перехода в 1922 г. Карсской области в состав Турции подавляющая их часть вновь переселилась в район Сарыкамыш. В 20-30-е гг. XX в. сюда вернулась и часть осетин, ушедших отсюда после войны 1877-1878 гг. в другие анатолийские провинции. Вернувшиеся поселились в трех сохранившихся селах — Хамамлы, Селим, Алисофу. В Хамамлы осетины проживали совместно с лакцами, в Алисофу — совместно с туркменами. Часть осетин проживала на территориях к северу и западу от озера Ван. Ими был основан ряд селений, которые находились на значительном удалении друг от друга. На этой территории они соседствовали с представителями других северокавказских народов. Значительная часть осетин, мигрировавших из Карсского региона после войны 1877-1878 гг., расселилась в Центральной Анатолии, по соседству с адыгскими и абхазо-абазинскими поселениями. В некоторых селах осетины проживали с другими северокавказскими народами. Известно также о существовании в прошлом поселений осетин в районе Эрзурума. Незначительная группа осетин после долгих скитаний по Анатолии в 80-х гг. XIX в. осела

на т.н. Голанских высотах, входивших в то время в состав Османской империи. Здесь ими было основано два поселения в непосредственной близости от адыгских, абхазских и чеченских сел.

Взаимоотношения сарыкамышских осетин с окружающим населением были достаточно комплементарными, в то время как отношения поселенных на Восточно-Анатолийском нагорье осетин с основными категориями коренного населения носили крайне сложный характер. Им приходилось бороться за выживание в чрезвычайно неблагоприятной этнополитической обстановке. Осетинские группы, расселившиеся в Центральной Анатолии, находились в более благоприятной обстановке. В целом можно сказать, что большинство локальных сообществ осетин Турции в этносоциальном отношении были довольно обособлены и замкнуты.

В наши дни осетины — потомки мухаджиров обладают развитым диаспорным этническим самосознанием и определенными механизмами самоорганизации. В настоящее время на территории Турции существуют два осетинских села в провинции Йозгат: дигорское — Пойразлы и иронское — Боялык. Это села в несколько сот человек, в целом сохраняющие свой моноэтнический статус [8].

Язык турецких осетин, как иронцев, так и дигорцев, был почти полностью изолирован от материнской основы долгое время. На новом месте осетины довольно быстро освоили турецкий язык, а многие — и языки соседствующих народов, став при этом билингвами или даже полилингвами. Однако осетинский язык, вплоть до недавнего времени, оставался средством бытового общения в селе [9]. К сожалению, на сегодняшний день говор анатолийских осетин-дигорцев практически не исследован, хотя его изучение могло бы помочь в решении многих теоретических проблем анклавной диалектологии.

В сложившейся языковой ситуации в рассматриваемых нами дигорских говорах территорий позднего заселения произошли закономерные, и, в определенном смысле, общие для анклавных говоров изменения:

с одной стороны — в языке сохранились некоторые грамматические и лексические элементы, которые в современном материнском диалекте уже перешли в архаичный пласт, с другой — произошло обогащение языка за счет иноязычных заимствований. Этими факторами обусловлено лексико-семантическое, и, в некоторой степени, фонетическое своеобразие рассматриваемых говоров.

Для наглядности мы рассмотрим диалектное своеобразие говора дигорцев, проживающих в Моздокском районе РСО-Алания.

В первую очередь, анализируя говор Моздокских дигорцев в целом, можно отметить его неоднородность, так как переселенцы представляют разные районы Дигории. Так, например, в речи дигорцев, проживающих в с. Виноградное Моздокского района наблюдается смешанное произношение звуков *c/č, ž/ž, s/š, z/ž* перед гласными *e* и *i*, т.е. в ней обнаруживается как чоканье, так и цоканье. Вследствие этого мы не можем относить говор данных диалектоносителей ни к одному из двух основных фонетических типов наречий дигорского варианта осетинского языка — чокающе-джокающе-шокающе-жокающему и цокающе-дзокающе-сокающе-зокающему. У жителей же с. Николаевка, которые являются переселенцами из Уаллагкома, где, как известно, бытует смешанное иронско-дигорское наречие, обнаруживается довольно интересный переходный говор. В этом говоре превалируют дигорские формы, а также формы, образованные путем контаминации контактирующих идиом. По фонетическому типу он относится к цокающему типу речи. При этом данный говор не только скомбинировал особенности взаимодействующих диалектных систем, но в результате длительной интерференции развил в своей системе специфические черты, не свойственные по отдельности контактирующим диалектам [10].

Как уже говорилось выше, наиболее компактно дигорцы в Моздокском районе проживают в станицах Черноярская и Ново-Осетинская, жителей которых окружающие называют *æcæg digorænttæ* — «истин-

ные дигорцы». Речь жителей поселений относится к чокающему типу дигорской речи, хотя в их говоре наблюдается произношение некоторых слов, свойственное цокающему типу речи: *sænæfseræ*, *poxci*, *ġædinzæ*, *nesi* и т.д.

Говоря о консервации в переселенческих говорах некоторых лексем, которые в исходном говоре уже выпадают из активного пласта, отметим, что в речи моздокских дигорцев используются такие слова, как: *az-bæær* — тротуар, бульвар (в данном говоре используется для обозначения «коридора»); *nosun* — целовать; *sælbær* — мужские брюки; *rændæn* — каталка; *bawærævdirzæn* — молчалка; и т.д.

Учитывая факт иноязычного окружения, довольно закономерным является появление в говоре моздокских осетин-дигорцев заимствованной лексики, например: «подсолнух» в дигорских говорах наименуется лексемами *æxsinaæn*, *qæne* или заимствованным из русского *semičkæ/semuckæ*, в данном же говоре — *soxra/soxran* (из кабардинского *sāxuran*); «спички» — *širniktæ*, из чеченского «сирникаш», где -аш — формообразовательный формант множественного числа в чеченском языке [11], заменен на его эквивалент в осетинском языке (-тæ).

Следствием того, что в этих станицах, кроме дигорцев, составлявших основное население, обосновались, хотя и в более позднее время, осетины-иронцы, является появление слов, свойственных иронскому диалекту осетинского языка: *nori* — чеснок (ср. диг. *bodæn*, ир. *nury*); *itu* — уют (ср. диг. *tuj*, ир. *itu*), *laġz* — выдвижная полка (ср. диг. *ralaskæ*, ир. *laġz*) и т.д.

Осетинское слово *kuræt* как в иронском, так и в дигорском означает «бешмет». Однако в говоре моздокских дигорцев данное слово употребляется для обозначения женского платья, хотя для обозначения женского платья мы имеем в иронском слово *kaba*, а в дигорском — *p'olci*. Для объяснения данного языкового явления необходимо обратиться к этимологии слова. По мнению В.И. Абаева, слово *kuræt* является очень древним и распространено во многих, в том числе и неродственных между собой, язы-

ках. Так, в иранских языках присутствуют: в согдийском *qwrta* «рубаша», в персидском *kurta* — туника, *kurdi* — род шерстяной одежды. В тюркских языках: *kört* «стеганный женский халат», *kürtä* «короткое платье». На Кавказе: лезгинский — *kurt* «короткая шуба», лакский — *kkurtu* «бешмет» и т.д. Абаев также предположил, что *kuræt* относилось в древности к тому короткому, выше колен, кафтану, который характерен для скифов [12]. Исходя из этого, термин *kuræt* можно определить как доминанту в семантическом поле, общим признаком которого является «мужская и женская одежда» [5]. Возможно в свете того, что иронское *kaba* и дигорское *p'olci* («женское платье») являются заимствованными терминами, исконным же иранским термином в осетинском языке для обозначения женского платья мог быть *kuræt*.

Как мы видим из рассмотренного материала, в переселенческих говорах могут наблюдаться контакты между различными говорами одного диалекта, между разными диалектами, а также контакты с другими окружающими их языками. При сохранении в них исходной основы (основного лексического фонда, фонетической и морфологической системы, словообразовательных моделей), говоры могут интенсивно обогащаться за счет заимствований из окружающей их языковой среды и в то же время способны обусловить большую сохранность диалектизм ввиду своей изолированности. Небольшие, а иногда и недавно возникшие языковые острова представляют собой как бы «лабораторию», где под воздействием окружающего языка происходят интенсивные изменения. Стремительность этих процессов, на наш взгляд, зависит как от степени изолированности островного говора от языка-источника, так и от размеров территорий острова и количества носителей говора. Рассмотренные нами дигорские говоры, за исключением говора озрекцев, находятся на грани исчезновения, о чем свидетельствует тот факт, что значительная часть молодого поколения переселенцев практически уже не владеет, или владеет слабо, своим родным языком.

1. Баранникова Л. И. Специфика лексико-семантических процессов в говорах территории позднего заселения (к проблеме влияния литературного языка на диалекты) // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. Улан-Удэ, 1985. С. 3-10.
2. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 22-31.
3. Теркулов В. И. О методологии исследования анклавного говора // Філологічні трактати. 2009. Т. 1. № 2. С. 155-159.
4. Алборов Б. А. Говор осетин-иронцев Моздокского района // Известия 2-го Северо-Кавказского пед. ин-та им. Гагиева. Орджоникидзе, 1932. Т. IX. С. 287-291.
5. Цаллагова И. Н. Некоторые особенности говора осетин-дигорцев Моздокского района РСО-Алания // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5; URL: <http://www.science-education.ru/119-14713> (дата обращения: 02.10.2014).
6. Цаллагова И. Н. Основные тенденции в динамике развития озрекского говора дигорского варианта осетинского языка // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3; URL: <http://www.science-education.ru/103-6503> (дата обращения: 28.06.2012).
7. Хацаев М. Озрек и его жители. Владикавказ, 1995.
8. Чочиев Г. В. Осетины на Ближнем Востоке: поселение, адаптация, этносоциальная эволюция (краткий очерк) // Известия СОИГСИ. 2010. Вып. 4 (43). С. 48-66.
9. Чочиев Г. В., Гутиева Э. Т., Сокаева Д. В., Тавасиева Э. И. Еще раз об анатолийских осетинах и актуальности их изучения полевым методом (вместо отчета об экспедиции СОИГСИ в Турцию 2013 г.) // Известия СОИГСИ. 2014. Вып. 11 (50). С. 142-148.
10. Цаллагова И. Н. О говорах переходного типа (на осетинском языковом материале) // Известия СОИГСИ. 2015. Вып. 16 (55). С. 77-85.
11. Овхадов М. Р. Выражение грамматического числа в именах прилагательных // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6; URL: <http://www.science-education.ru/120-16101> (дата обращения: 25.08.2015).
12. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка в 5-ти томах. М.-Л., 1958. Т. I; Л., 1973. Т. II; Л., 1979. Т. III; Л., 1989. Т. IV; М., 1995. Т. V.